

Т. Г. Попова, Е. Г. Субачева

Москва, Россия

МЕТАФОРА КАК МНОГОПЛАНОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию метафоры в системе выразительных средств языка. Авторы статьи описывают метафору как многоплановое явление в структурно-семантическом плане, а также во взаимоотношенности ее синтагматических и парадигматических свойств.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *тропы; выразительные средства; метафоры; метафорическое моделирование; метафорические модели.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.*

Адрес: 125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14.

E-mail: tatyana_27@mail.ru.

Субачева Елена Глебовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.

Адрес: 125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14.

E-mail: spring15@yandex.ru.

T. G. Popova, E. G. Subacheva

Moscow, Russia

METAPHOR AS A MULTIDIMENSIONAL PHENOMENON

ABSTRACT. *The article is devoted to the evaluation of a metaphor as a multidimensional phenomenon. The authors of the article describe a metaphor as one of the main language tropes on the basis of a structure and semantic aspect. The researchers evaluate syntagmatic and paradigmatic metaphorical interaction. On the basis of a cognitive evaluation the researcher comes to the conclusion that a metaphoric category is one of the fundamental language categories.*

KEYWORDS: *trails; expressive means; metaphors; metaphorical modeling; metaphorical models.*

ABOUT THE AUTHORS: *Popova Tatyana Georgievna, Doctor of Philology, Professor, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.*

Subacheva Elena Glebovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Метафора традиционно занимает особое место в теории семантических, синтаксических, стилистических и прагматических исследований. Метафора, будучи языковым тропом, представляет собой одно из наиболее интенсивно изучаемых явлений в лингвистической науке, активно исследуется специалистами различных областей знаний.

Проделанный нами анализ литературы, посвященный выразительным средствам языка и стилистическим приемам, показывает, что на современном этапе развития стилистики термины «изобразительные средства языка» / «тропы», «выразительные средства» / «фигуры речи» сохраняются, однако достигнутый лингвистический уровень позволяет дать им новое толкование.

Прежде всего, исследователи (см., напр., [Арнольд 2004: 89]) отмечают, что изобразительные средства можно характеризовать как парадигматические, поскольку они основаны на ассоциации выбранных автором слов и выражений с другими близкими им по значению и потому потенциально возможными, но не представленными в тексте словами, по отношению к которым им отдано предпочтение.

Как далее подчеркивает И. В. Арнольд, выразительные средства языка являются не парадигматическими, а синтагматическими [Арнольд 2004: 89]. Мы полагаем, что высказанное И. В. Арнольд обстоятельство можно объяснить тем, что выразительные средства языка основаны на линейном расположении частей, и эффект их зависит именно от расположения.

Как далее в своей работе подчеркивает И. В. Арнольд, деление стилистических средств на выразительные и изобразительные средства условно, поскольку «изобразительные средства, т. е. тропы, выполняют также экспрессивную функцию, а выразительные синтаксические средства могут участвовать в создании образности, в изображении» [Арнольд 2004: 89].

В трудах Л. П. Тимофеева представлено широкое понимание тропа: «в основе возникновения тропа лежит соотношение двух явлений, из которых одно служит для пояснения, для понимания другого» [Тимофеев 1976: 18]. Из данного определения вытекает то, что троп в трактовке Л. П. Тимофеева – это не

частный прием образной речи, а общее название для всех образных средств.

В лингвистике существует узкое и широкое понимание термина «троп». В данной статье мы придерживаемся узкого понимания тропов. Говоря иными словами, тропы нами будут определяться как семантически двуплановые наименования, используемые в качестве декоративных средств художественной речи.

Таким образом, речь тропеическую мы будем понимать как «речь украшенную, переносную». Из данного толкования следует, что принадлежность к разряду тропов должна определяться по следующим критериям: 1) знаковость (троп – это номинативная единица); 2) семантическая двуплановость; 3) декоративность (функциональный критерий, предполагающий ограничение сферы использования тропов художественной речью) [Москвин 2006: 6-7].

Отметим также, что троп используется для раскрытия особенных свойств одного понятия через уподобление его другому. В тропе переносное значение – объект познания – является основным, в то время как прямое значение играет второстепенную роль. В тропе всегда совмещаются два семантических плана: коллективно-языковой и индивидуально-ситуативный.

Ценность тропа определяется количеством информации, ее новизной, соотносённостью с контекстом. Таким образом, в тропе происходит совмещение значений и смыслов, их осложнение.

В отличие от тропа фигура является актом использования номинативной единицы в целях усиления выразительности речи. Фигура является синтаксической конструкцией, рассчитанной на оказание воздействия на слушателя и читателя. Если тропы являются формами мысли, то фигуры – это формы речи. Важная функция фигуры – подчеркнуть, выделить, усилить ту или иную часть высказывания.

Источником тропа является реалия. Разные тропы, передающие один и тот же образ, отличаются друг от друга, прежде всего, соотношениями прямого и непрямого обозначения исходной реалии [Кожевникова 1979: 218].

В аспекте смыслового содержания основные принципы, действующие в тропях, – включение и пересечение значений. Во-первых, включение интенционала прямого значения в интенционал переносного на правах гипосемы – метонимия; во-вторых, включение всего сигнификата прямого значения в интенционал переносного на правах гипосемы – синекдоха;

в-третьих, пересечение интенционала прямого значения с импликационалом переносного и объединение области пересечения прямого значения с переносным. В последнем случае, соответственно, речь идет о метафоре.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что под тропами мы, вслед за И. В. Арнольд, понимаем лексические изобразительно-выразительные средства, в которых слово или словосочетание употребляется в преобразованном значении и к которым относятся также метафорические конструкции [Арнольд 2004: 123]. Эти исследования привлекают в течение длительного времени внимание отечественных лингвистов.

Проанализировав как отечественную, так и зарубежную литературу, посвященную исследованию метафоры, мы пришли к заключению, что данному стилистическому средству языка посвящено множество публикаций. Однако ввиду значимости этой проблемы ученые вновь и вновь обращаются к данной теме.

В настоящее время большинство исследований направлено в сторону семантического и когнитивного анализа с обращением внимания на особую роль метафоры в формировании логических структур и познавательных средств естественного языка. Метафора как средство создания нового понятия расширяет мироведение человека. Цель метафоры заключается не в простом названии предмета или явления, а в его экспрессивной характеристике.

Метафорическую семантику составляют несколько взаимосвязанных элементов: первоначальное значение слова, образ, который рождается в результате сопоставления, и новое понятийное содержание, а также – новая номинация, которая возникает в результате осмысления метафоры. Следовательно, в связи с этим можно говорить о семантической двойственности, двуплановости метафоры, что, соответственно, приводит к полифункциональности данного тропа.

Под полифункциональностью мы, вслед за О. Е. Вошиной, понимаем одновременную реализацию номинативной и прагматической функций. Номинативная функция метафоры реализуется через передачу семантической информации, а под прагматической функцией подразумевается передача образности метафоры [Вошина 2003: 60]. Кроме этих названных функций метафора выполняет также стилеобразующую, текстообразующую и жанрообразующую функции.

Рассмотрение метафоры в структурно-семантическом плане, во взаимообусловленности ее синтагматических и пара-

дигматических свойств можно рассматривать как подход, который может дать серьезные результаты, которые помогут вскрыть ее новые свойства и стороны.

В данной связи хотелось бы отметить, что расширение сфер одушевленности и неодушевленности определяется антропологичностью метафоры, поскольку референтом основного корпуса метафоры является человек как одушевленный объект или продукты его жизнедеятельности как неодушевленные объекты, т. е. метафора в выборе объекта наименования демонстрирует антропоцентричность.

Это значит, что основным объектом номинации метафорических единиц является именно человек во всех своих проявлениях (внешность, характер, поведение, состояние и т. д.), а также затрагивающие интересы человека в повседневной жизни объекты или явления (предметы обихода, транспорт и т. д.). Это и передвижение в пространстве, и визуальные ощущения, и различные действия из обиходной практики и профессиональной деятельности.

Чтобы метафора зародилась и сработала, а следовательно, и состоялась, у человека должен быть достаточный запас слов – обозначений. Метафора образуется, отмечает В. А. Банин, в результате перехода гипосемы в гиперсему [Банин 1985: 6]. Основным типом преобразования семантической структуры является экспликация потенциальных сем и редуцирование дифференциальных и архисем, актуализирующих первичные характеристики денотата. Так, при образовании метафоры «goose» / гусь мотивирующими являются потенциальные семы, которые приписывают данной птице «глупость».

Впервые воспринимаемая метафора представляет собой сочетание знакомого, принятого в языке с неизвестным. Соответственно, она предполагает сопоставление предметов или явлений по сходству. При метафорическом употреблении слов сходство может относиться к самым разнообразным характеристикам предметов и явлений: форме, различным качествам, функциям, эмоциональным воздействиям и т. д.

В лингвистической литературе различаются два типа метафор: языковая метафора (ЯМ) и индивидуально-авторская (ИАМ) метафора. Для индивидуально-авторской метафоры часто используются следующие синонимы: метафора поэтическая, тропеическая, индивидуальная, художественная, творческая, речевая, окказиональная, а также метафора стиля. При этом исследователи по-разному подходят к данному делению. С од-

ной стороны, языковая метафора противопоставляется индивидуально-авторской, а с другой – эти типы метафор исследуются как нечто единое по своей сущности.

Так, например, по мнению В. Н. Телии, языковую метафору можно не только обнаружить в языке (если она еще не стерлась), но и в какой-то мере «запрограммировать» [Телия 1977: 192]. В то время как индивидуально-авторская метафора, которая В. Н. Телией называется речевой [Телия 1977: 192], легко обнаруживает себя. Однако при этом весьма проблематично назвать допустимый предел «полета фантазии» создателя метафоры.

Толкование метафоры как сокращенного варианта буквального уподобления составляет лишь часть понимания проблемы метафоры, но, безусловно, важную. На существенную роль, которую играет сравнение, аналогия в процессах метафоризации, также указывает в своих работах Н. Д. Арутюнова: «везде в значении и употреблении слов можно видеть следы сравнения предметов, признаков, отношений, событий и ситуаций. Дар человека улавливать общее в разном является врожденным. Чувство сходства интуитивно» [Арутюнова 1990: 170].

В. Н. Телия отмечает, что «нерв» метафоры – некое уподобление, имеющее в исходе сопоставление, которое соизмеряет не целостные объекты, а некоторые сходные их признаки, устанавливая подобие на основе совпадения по этим признакам и гипотезы о возможности совпадения по другим, попадающим в этом сопоставлении в фокус внимания [Телия 1988: 183].

Н. Д. Арутюнова полагает, что в построении метафоры участвуют четыре компонента – две сущности (два объекта), основной и вспомогательный субъекты метафоры и некоторые свойства каждого субъекта [Арутюнова 1990: 170-172]. Значение метафоры, следовательно, определяют признаки вспомогательного субъекта, а основным результатом метафоры является выведение признаков основного субъекта. Метафора, тем самым, создается путем предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта.

Таким образом, описав метафору в системе выразительных средств языка, мы можем сделать вывод, что традиционно метафора связывается со стилистическими фигурами, или языковыми тропами, т. е. с некоторыми преобразованиями фрагментов языка. Благодаря метафоре достигается эстетический эффект выразительности в нашей речи.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 6-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2004. 384 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. С. 5-32.

Банин В. А. Субстантивная метафора в процессе коммуникации (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. 274 с.

Вошина О. Е. Особенности перевода индивидуально-авторской метафоры С. Мозма // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : ВГУ, 2003. № 2. С. 60-67.

Кожевникова Н. А. Об обратимости тропов // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. С. 215-225.

Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. – М., 2006.

Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. – М., 1977.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]. – М. : Наука, 1988. С. 173-204.

Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. – М., 1976. 279 с.

REFERENCES

Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk. 6-e izd. – M. : Flinta : Nauka, 2004. 384 s.

Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory. – M., 1990. S. 5-32.

Banin V. A. Substantivnaya metafora v protsesse kommunikatsii (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) : dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1995. 274 s.

Voshina O. E. Osobennosti perevoda individual'no-avtorskoy metafory S. Moema // Vestnik VGU. Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – Voronezh : VGU, 2003. № 2. S. 60-67.

Kozhevnikova N. A. Ob obratimosti tropov // Lingvistika i poetika. – M., 1979. S. 215-225.

Moskvin V. P. Russkaya metafora. Ocherk semioticheskoy teorii. – M., 2006.

Teliya V. N. Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy // Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovaniy. – M., 1977.

Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira / B. A. Serebrennikov, E. S. Kubryakova, V. I. Postovalova [i dr.]. – M. : Nauka, 1988. S. 173-204.

Timofeev L. I. Osnovy teorii literatury. – M., 1976. 279 s.